

ЖЕНЯ ЮРКИНА

БЕЗЪДИ

СЛОМАННАЯ КОМНАТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю74

Юркина, Женья.

Ю74 Безлюдь. Сломанная комната / Женья Юркина. —
Москва : Эксмо, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-04-199606-2

В разных городах погибают безлюдь. Их хартумы осквернены и ограблены, а разрушитель не пойман. Его тайну знает только Флориана, которой предстоит построить безлюдь, собранного из частей умерщвленных домов. Она принимает условия сделки, не предполагая, чем это грозит.

Но тем, кто хочет спасти ее от роковой ошибки, мешают обстоятельства: Дарт пытается вызволить Офелию из приюта, Рин бросает вызов мраморному городу, Дес под видом беглого преступника скрывается в шпионском логове, а Ризердаину пора расплатиться с теми, кто не прощает долги. У всего есть своя цена. Иногда — слишком высокая, чтобы ее заплатить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199606-2 © Юркина Ж., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

С самого утра госпожа Окли не находила себе места: металась из угла в угол, кусала ногти и выглядывала в окно чаще, чем на улице что-то происходило. Все кружила и кружила, изводя себя беспокойствами, пока сквозь гнетущую тишину не прорезался звон дверного колокольчика. Забывшись, она бросилась в холл и едва не столкнулась с прислугой, чье появление напомнило правило богатых домов: уважающие себя *господа* не встречают гостей на пороге. Они чинно ждут на мягком диване, попутно распоряджаясь, чтобы подали чай, или с гордой осанкой стоят у парадной лестницы, будто только что спустились, оторвавшись от важных дел. Никто не бежит к двери, точно добродушная собачка, виляющая хвостом.

Госпожа Окли застыла посреди холла: расправив плечи, сцепив руки за спиной. Пальцы, став жертвами ее нервозности, обрели неухоженный вид, и она переживала, как бы не прослыть нерадивой хозяйкой, неспособной уследить ни за прислугой, ни за домом, ни даже за своими ногтями. Какой позор.

Отворилась дверь, и в дом хлынул поток холодного воздуха. Сперва он показался освежающим, но вскоре вызвал неприятный озноб, заставив госпожу Окли одернуть рукава платья. Взгляд невольно скользнул по зеркальной поверхности у стены, где отпечаталось ее отражение: напряженная фигура в черном, на лице ни кровинки. Истинный портрет трагедии. Она осталась довольна своим обликом и, преисполненная решимости, повернулась

к гостю. Тот поздоровался и перешагнул порог, приглаживая растрепанные волосы. Зря старался. Попытка произвести должное впечатление не удалась.

Он оказался непозволительно молод, как не мог быть молод компетентный специалист. Настоящие профессионалы выглядели более респектабельно, подтверждая свой опыт прожитыми годами; от них веяло спокойствием, непоколебимой уверенностью и мудростью, а не оголтелой юношеской дерзостью, с которой этот названный мастер предъявил служебный жетон. Наверняка очередной сын богатея, пригретый городской управой, решила она, наметанным глазом оценив добротное пальто, скроенное по фигуре, ботинки из мягкой кожи и фамильный перстень на мизинце. Ни делового портфеля, ни саквояжа с инструментами при специалисте не было. Чтобы занять руки, он вцепился в остроугольные лацканы — такие сейчас в моде, мысленно отметила госпожа Окли и заключила, что перед ней один из светских мальчиков-франтов, любящих изображать из себя важных персон.

— Вы стажер? — не сдержалась она. — Сколько вам лет?

— Не беспокойтесь, госпожа. Безлюдие не реагируют на возраст.

Каждый раз при упоминании домов-монстров и мысли, что ее фамильный особняк мог превратиться в нечто подобное, она испытывала необъяснимый страх и сейчас снова ощутила леденящий холод, пробежавший вдоль позвоночника.

— Мне обещали прислать специалиста, — с напором продолжила госпожа Окли. — Признаться, я ожидала увидеть кого-то постарше и поопытнее. Дело у нас не из простых.

Он помедлил, прежде чем ответить, хотя растерянным не выглядел.

— Пока мы беседовали, я успел постареть еще на пару минут. Этого достаточно, чтобы заслужить ваше доверие?

Когда при ней пытались шутить, госпожа Окли терялась, не зная, как реагировать: поощрять ли остроту

снисходительным смешком или сохранять невозмутимое лицо. И то, и другое казалось ей одинаково глупым.

— Пройдемте, я покажу дом, — нашла она после неприятных секунд молчания.

Ожидавшая в стороне прислуга как по щелчку завелась и предложила принять у гостя его пальто, однако тот отказался, явно не планируя задерживаться надолго.

— Расскажите про дом, — попросил специалист, когда они миновали холл.

— А вы разве не читали заявку? — небрежно бросила госпожа Окли, утвердившись в мысли, что имеет дело с человеком несведущим. — Я подробно изложила все приемщице.

У лестницы он резко остановился.

— Давайте оставим бумажную волокиту тем, кто ею занимается. Я здесь, готов выслушать вас. — Его рука уверенно, по-хозяйски легла на перила. Настоящей хозяйке это не понравилось, но пришлось стерпеть. — Дома всегда реагируют, когда о них говорят. Особенно *неправду*.

В доверительном тоне звучало предупреждение, что за вранье можно поплатиться, и госпоже Окли вдруг стало не по себе: от его интонаций, обжигающего взгляда черных глаз и резкой перемены в поведении.

— Считаете, я способна на ложь? — оскорбилась она.

— Должен предупредить вас, — ответил специалист, и на его мальчишеском лице нарисовалась нахальная ухмылка. — Участились случаи, когда владельцы пытаются выдать свои дома за безлюдней, рассчитывая получить денежную компенсацию от города.

— Вряд ли мою утрату можно восполнить.

Она печально вздохнула и опустила глаза. Как назло, в них не проступило ни слезинки, и госпожа Окли мысленно отругала себя, что перед визитом специалиста не додумалась подышать над луковым отваром. Ей следовало выглядеть подобающе случаю, дабы не прослыть черствой хозяйкой. А такое звание едва ли не закрепилось за ней из-за многочисленных сплетен и пересудов, последовавших за трагедией.

— Это случилось две недели назад, — начала она, в памяти возвращаясь в то страшное утро.

Госпожа Окли проснулась раньше обычного. Ее разбудил сын, хныкая и шатаясь по комнате от безделья. Обычно по утрам его занимала няня: умывала и одевала, выводила на прогулку, кормила завтраком, так что мать, проснувшись, лицезрела свое дитя розовощеким, сытым и наряженным пупсом. Но в этот раз перед ней предстал сущий демоненок, с которым она, к своему стыду, не знала, как справиться.

«Почему ты не с няней Клэр?»

«Она спит и не хочет играть», — ответил ее малыш.

Преисполненная возмущения, госпожа Окли немедленно отправилась к нерадивой работнице, чтобы растолкать ее. Кажется, она даже забыла постучать и ворвалась в комнату, готовая разразиться гневной тирадой. Но слова застряли в горле, а вся злость померкла при виде жуткой картины. Бедняжка Клэр лежала в своей кровати мертвая.

Довершив рассказ, госпожа Окли выдержала драматическую паузу. В молчании они прошли по коридору и остановились перед той самой дверью. После случившегося комнату отмыли, а затем запечатали, как склеп; она больше не принадлежала дому, там хозяйничала смерть. Ее дух все еще витал в закупоренном воздухе — пыльном и чуть кисловатом.

— Это детская? — удивился специалист, войдя первым.

Отдельной гордостью госпожи Окли была зеленая комната, как из сказок о волшебном саде, где растения и животные обретали способность говорить. Чтобы обустроить все как полагается, пришлось соединить игровую, детскую спальню и уголок, где ютилась няня. Она была неприятным человеком, скромница Клэр. И пока избалованный сын, не оценивший материнских стараний, кочевал по всему дому, его няня обживалась в роскоши, восхищаясь обновленным интерьером и в особенности обоями с милейшими кроликами, выглядывающими из зарослей. Но теперь это превратилось в неуместную декорацию трагедии.

Борясь с приступом тошноты, госпожа Окли прошла в закуток, где стояла пустая кровать, — металлическое основание с пружинами. Постельное белье и матрас вынесли и сожгли на заднем дворе, боясь, что причиной смерти стала неведомая заразная хворь.

— Клэр умерла здесь. Врачеватель убежден, что бедняжка отравилась. Мы перебрали все вещи, но не нашли ни одной склянки, ни одного намека на то, что могло привести к такому печальному исходу. Единственное, что нас насторожило, вон тот угол, над кроватью. — Она ткнула пальцем под потолок, где край обоев был отогнут треугольником.

Специалист, недолго думая, придвинул стул и забрался на него, чтобы рассмотреть стену поближе.

— Ядовитая плесень, — подсказала госпожа Окли, решив, что без нее он не справится. — Такая, я слышала, появляется в безлюдях. Как трупные пятна на теле дома. Осторожно, не прикасайтесь. Я распоряджусь, чтобы вам подали перчатки. Да стойте вы, кому говорят! Господин...

В панике она забыла, как специалист представился и называл ли свою фамилию вообще. Бессмысленно было вразумлять его. Точно любопытный ребенок, он упрямо лез туда, куда не следовало, делая именно то, от чего его предостерегали. Ее сын был таким же, и госпожа Окли совершенно не представляла, как бороться с упрямством и непослушанием.

— Вы покидали дом? — спросил специалист. — Длительные путешествия? Ремонт? Временный переезд?

— Мы провели осень за городом. Крыша начала протекать из-за ливней, и нам пришлось уехать на весь сезон. Рабочие меняли кровлю и приводили в порядок пострадавшие комнаты. Дело это муторное, так что мы вернулись только к началу зимы.

— Ясно, — задумчиво изрек он и спустился, потеряв к плесени всякий интерес. Даже ничего не сказал о ней.

Вся дальнейшая работа специалиста (тут госпожа Окли поняла, что забыла, как правильно его называть) заключалась в том, чтобы крутить головой, выхаживать

из угла в угол и цепким взглядом ощупывать стены, потолок и пол. Она даже разочаровалась, что не увидела ни одного инструмента, причудливого приспособления или странного действия — ничего, о чем могла бы рассказать знакомым после.

— Обои, — внезапно произнес специалист, кивнув на прекрасный узор, изображающий буйную зелень цветущих садов.

— О, спасибо, что отметили. — Впервые за утро госпожа Окли позволила себе улыбнуться и тут же мысленно одернула себя, подумав, что даже призрак радости на ее лице не подходит черному платью скорби и выглядит вульгарно. Вернув себе прежнюю серьезность, она продолжила: — Такие сейчас в самых богатых домах. Редкая роскошь, днем с огнем не найти. Мы заказывали их с другого материка, представляете?

Специалист терпеливо выслушал, а потом сказал:

— Они стали редкими, потому что их сняли с производства. Вы не читали газеты?

— Я листала модные каталоги. — Госпожа Окли горделиво вздернула подбородок. В светских кругах она слыла заядлой модницей, многие равнялись на нее, спрашивали совета, жаждали одобрения. Ничто и никогда не могло пошатнуть ее пьедестал до сего момента, пока она не услышала чудовищную правду:

— Жаль, там не пишут, что эти обои смертельно опасны.

Госпожа Окли испуганно ахнула и отпрянула, будто хотела поскорее скрыться от прожигающего взгляда, в котором читалось осуждение, граничащее с презрением, и она, взрослая, образованная женщина, вдруг признала себя бестолковой, никчемной дурехой, чье неведение привело к трагедии.

— В краску добавлен мышьяк, — продолжал специалист, не жалея ее чувств. — При взаимодействии с плесенью образует газообразный яд. Вероятно, им и надыхалась ваша няня, упокой Хранитель ее душу.

Умереть от обоев — как ужасно и как нелепо! От представленной картины в глазах помутнело, и госпожа

Окли, едва держась на ногах, бросилась прочь из комнаты. Горло схватил спазм, и на миг ей почудилось, что она и впрямь задыхается, пока яд, растекаясь по венам, медленно убивает ее. В панике она вцепилась в перила и свесилась с галереи, рискуя рухнуть вниз головой. Подоспевший специалист придержал ее за локоть и отвел к банкетке. Усадил, дал время оправиться от потрясения.

Постепенно недомогание отступило.

— Значит, дом в порядке? — спросила госпожа Окли и не узнала своего голоса. Блеклый, тихий, дрожащий.

— Любой дом, где кто-то умер, не может быть в порядке. Но безлюдом он точно не стал. — Специалист замолк, задумчиво покачался с пятки на носок. Его кожаные ботинки, новые, до блеска начищенные, мягко поскрипывали, что действовало на госпожу Окли почти успокаивающе, как и сам голос, уверенный и твердый голос знающего человека: — Если хотите помочь вашему дому, избавьтесь от обоев, выведите плесень и поставьте в комнате настоящие растения.

— И все?

— Еще посоветую не доверять тому, что пишут в рекламных объявлениях. Лет десять назад так продавали сонную одурь для младенцев. «Успокоительный сироп госпожи Уинслоу», слышали о таком?

Госпожа Окли кивнула, не найдя в себе сил, чтобы произнести хотя бы слово. Признаться, после посещения той злополучной комнаты она слабо соображала и не могла взять в толк, какое отношение лекарство для младенцев имеет к тому, что случилось с бедняжкой Клэр. Сидя на низкой банкетке, госпожа Окли испуганно глядела на специалиста, возвышавшегося над ней. Его мрачная задумчивость, заострившая черты лица, прямая осанка и небрежность, с которой он держал руки в карманах пальто, вдруг придали ему недостающей прежде солидности.

— На этом мои полномочия домографа заканчиваются. Завтра вы получите официальное заключение. Я пришлю посыльного.

Госпожа Окли снова кивнула и, несмотря на слабость, вызвалась проводить гостя, испытывая разом благодарность и вину, не решаясь выразить словами ни то, ни другое.

Стоя на обледеневшем крыльце, она совсем не ощущала холода и вдыхала свежий воздух, прояснявший разум.

— Всего доброго, господин Холфильд. Спасибо! — крикнула она вслед, вспомнив наконец, как он представился при встрече.

У ворот домограф обернулся и одарил ее той самой мальчишеской улыбкой, но теперь она вызвала не сомнения, а только надежду, что все наладится и печать трагедии сойдет с лица фамильного особняка Окли.

Глава 1

Дом наполовину пуст

Флориана

Оторванная пуговица с платья, круглая, выпуклая, обтянутая коричневой тканью, зажата в потной ладони. Нервные пальцы, привыкшие цепляться за мелкие детали одежды, наказаны — собраны в кулаки. В кабинете душно, шерстяной воротник неприятно колет шею, будто под кожу вгоняют иголки.

Флори старалась не думать об этих неудобствах, пока сидела под пристальным взглядом директрисы. Их разделял широкий письменный стол — пустой, за исключением стопки сшитых бумаг, поверх которых лежали неподвижные обветренные руки госпожи Шарби. Они напоминали дохлых крыс, угодивших в ловушку с клеем.

Монотонный голос ввинчивался в голову, и казалось, что все пространство заполнено им вместо воздуха, а потому и дышать нечем.

— Я позвала вас, — гнусавила директриса, — чтобы обсудить серьезный вопрос. Надеюсь, вы осознаете ответственность за судьбу младшей сестры. Вам, в конце концов, доверили ее *опекать*, что предполагает заботу.

Слова, слова, пустые слова... Она подходила к сути так долго, словно взбиралась на вершину горы. Флори терпеливо ждала, надеясь, что их встреча сведется к обсуждению неподобающего поведения Офелии. Ее дерзость и острословие уже не раз вызывали недовольство учителей, строго следящих за дисциплиной.

— Ваша первоочередная задача — создать благоприятные условия для жизни подопечной. А вы таскаете девочку по безлюдям. Немыслимо! — Возмущение госпожи Шарби было столь велико, что едва не вытолкнуло ее из-за стола.

— Разве есть бумага, запрещающая жить в безлюдях?

Флори произнесла это своим лучшим тоном: бесцветным, лишенным всяких эмоций и потому сбивающим с толку того, кто ее провоцировал.

— Вы в самом деле не понимаете, почему это плохо? — сдвинув брови, спросила директриса, чье круглое лицо больше не выглядело добродушным.

Флори пропустила вопрос, иначе бы пришлось проводить лекцию о том, что многие ошибочно демонизируют безлюдей, а ей не хотелось задерживаться здесь ни минутой дольше.

— Допустим, понимаю. Но как место жительства влияет на успеваемость Офелии?

— Это влияет на ее судьбу, что куда важнее оценок.

— Если мы переедем, это решит проблему? — примирительно спросила Флори.

— Проблема не в доме, госпожа Гордер, а в вас самой, — уже не скрывая пренебрежения, отрезала директриса. И тогда все встало на свои места.

— Вы хотели сказать, в моей деятельности?

— В том, какой пример вы подаете.

— И какой пример я подаю?

Госпожа Шарби надсадно вздохнула, как подобало преподавательнице, объясняющей нерадивой ученице элементарные вещи.

— Вы состоите в сомнительных отношениях, о которых бесстыдно заявляли во всеуслышание, да еще с тем, кто не раз подвергался арестам.

— А сейчас он занимает должность в городском управлении, — парировала Флори.

— Бахвальство тем, что вы спите с чиновником, не добавляет вам чести, госпожа Гордер, — отчеканила директриса. — Вы не выглядите как образцовая опекушка. Не похоже, что вы заботитесь о сестре и ее нравственном воспитании.

В разговоре возникла пауза: напряженная, давящая. Было слышно, как гудят паровые трубы и позвякивают стекла в рамах.

— Чего вы добиваетесь? — сухо спросила Флори.

Прежде чем ответить, директриса откашлялась, словно после ядовитых слов требовалось прочистить горло.

— Я пытаюсь достучаться до вас и объяснить, что вы не справляетесь. Боюсь, я вынуждена доложить об этом, чтобы инициировать передачу вашей подопечной в компетентные руки.

— Моя сестра не вещь, чтобы передавать ее в чьи-то руки, — гневно выпалила Флори. Остатки самообладания покинули ее, и уже ничто не могло сдержать бурный поток. — Вы печетесь о чужой нравственности, когда не мешало бы подумать о своей. Вы лжете, прикрываясь заботой о нашей семье, и я знаю, чьи интересы вы защищаете. Но все попытки надавить на меня ничтожны и отвратительны!

Выслушав ее пламенную речь, директриса натужно вздохнула и, словно делая одолжение, проговорила:

— Госпожа Гордер, по-человечески я вам сопереживаю, но чувства к делу не пришьешь. Придется опираться лишь на факты, а они против вас. Вы занимаетесь лженаукой, ведете опасную деятельность и живете в безлуде, под одной крышей с мужчиной, которому не приходится ни родственницей, ни супругой. Ваша распушенность — вот что *отвратительно!* Девочка вступает в такой возраст, когда ей нужен пример благочестия, но что она видит? Я пригласила вас в надежде вразумить, а не пытаться обелить то, что запятнано дочерна. — Она выдержала паузу, чтобы пронаблюдать, какой эффект произвели ее оскорбления. Судя по тому, как дрогнул, почти улыбнувшись, ее большой, лягушачий рот, госпожа Шарби осталась довольна проделанной работой. — Позвольте не напоминать о ваших арестах и отъездах, из-за чего ваша юная сестра неоднократно оставалась без присмотра. Или, что вероятно, в обществе чужого мужчины, что вообще недопустимо в приличном обществе! Этого более чем достаточно, чтобы вернуть ее туда, где о ней позаботятся. В приют.

Приют. Ужасное, гадкое слово. Она произнесла его так легко и небрежно, словно ни разу там не была и не имела представления о том, что происходит в его стенах.

Флори резко встала, не позволяя сказанному окончательно сломить ее.

— Только троньте мою семью. И тогда вы познакомитесь с моей деятельностью ближе, чем вам хотелось бы. Почитайте о Диком доме в газетах, чтобы понимать все риски.

Госпожа Шарби не шелохнулась, только скривила губы.

— Запугать меня вздумали?

— Общаюсь на вашем языке. Другой, очевидно, вам не введом. — Бросив в директрису уничижительный взгляд, Флори подхватила пальто, висевшее на спинке стула, и решительным шагом вышла из кабинета.

Торопливый стук каблуков эхом разнесся по коридору, пустому в разгар занятий. На ходу продев руки в тесные рукава пальто, она сбежала по лестнице, и до самых школьных ворот ее преследовало чувство, будто директриса наблюдает за ней. Выбравшись из владений госпожи Шарби, Флори скрылась за углом соседнего здания и припала спиной к стене. Сколько бы она ни храбрилась в том кабинете, сейчас, наедине с собой, больше не могла притворяться.

Ее ведь предупреждали, что так и будет; что наступит момент, когда городские власти начнут понимать, как их обвели вокруг пальца, и захотят изменить положение дел.

Многочисленные пожары и проповеди Общины уничтожили половину местных безлюдьей, а те, что выжили, стали обузой для города. Их без раздумий продали, полагая, что чужими руками избавляются от груды мусора. Отныне землями владели достопочтенные господа: Гленн и Эверрайн. Богач и аристократ, оба неприкосновенны. Неудивительно, что мишенью стала Флори, принявшая на себя заботу об уцелевших безлюдях и их лютежах. Ее имя упоминали в газетах, ее лицо мелькало на каждом заседании суда, где решалась судьба Протокола. Госпожа Гордер больше не была призраком Пьер-э-Металля. Город признал ее, заметил, принял — и определил во враги.

Вскоре странное оцепенение прошло. Спрятав замерзшие руки в карманы, она с досадой отметила, что потеряла ту самую оторванную пуговицу, и подумала, что придется срезать другую с воротника, где ее отсутствие будет незаметно. Мысли о таком пустяке немного успокоили ее, и Флори двинулась по улице, глядя себе под ноги. Лед захрустел под каблуками, словно битое стекло.

Это была ее первая зима в Пьер-э-Метале, и город предстал перед ней совсем другим, полностью облаченным в серое. Даже снег здесь быстро превращался в грязное месиво, взрытое колесами, покрытое слоем сажки. Паровые топки работали во всю мощь и зловеще гудели под землей. По тыльным стенам домов змеились трубы, шипящий пар прорывался из-под ржавых вентиляей, дым поднимался над крышами, смешивался с облаками — низкими и тяжелыми, будто отлитыми из свинца.

Спустившись к Почтовому каналу, Флори пожалела, что не прихватила с собой шарф. В низине дул пронзительный ветер, принося с собой запах сырости и рваные клочья дыма, что выпускал паровой ледокол. Его огромная туша медленно скользила посередине канала, испарывая ледяную корку, точно шелковую ткань.

Зимой порт становился медлительным и ленивым, суда ходили редко, а потому Флори сочла большой удачей, что ближайший паром отбывал завтрашней ночью. Купив билеты, она поспешила к причалу Плавучей почты. На волнах покачивалась лодка, куда уже грузили ящики, заполненные зелеными конвертами. Вскоре к ним добавился еще один, запечатанный второпях, под недовольное ворчание клерка, которому пришлось лишний раз высунуть нос на холод. И все же ее письмо в числе прочих попало на борт и отправилось в Делмар.

О возвращении Дарта Флори всегда узнавала заранее. Первым его чужал Бо, садился у двери и начинал нетерпеливо постукивать. Следом оживал безлюдье: стены наполнялись гулом и вибрировали, заставляя

